

В. А. Ковалев

**ПОЛИТЭКОНОМИСТЫ ПОНЕВОЛЕ.
РИЧАРД ЛАХМАН «КАПИТАЛИСТЫ ПОНЕВОЛЕ.
КОНФЛИКТ ЭЛИТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ»
И МЕТОДОЛОГИЯ НЕОМАРКСИЗМА**

В русском издании работы Лахмана основной текст предваряется аннотацией, в которой книга преподносится как сочетание неомарксизма с теорией элит, позволяющей преодолеть схематичность и веберизма, и марксизма и держаться максимально близко к сведениям источников, сохраняя при этом концептуальное единство.

Потребность в подобных работах, охватывающих большие временные и пространственные протяженности, вне всяких сомнений, велика. Огромный источниковедческий багаж, накопленный исторической наукой, вне всякого сомнения, является великим благом. Но детализация истории, увлечение микроисторией, изучением конкретного исторического памятника без итоговых обобщений привели не просто к изучению деревьев, за которыми не видно леса. Речь уже идет об изучении веток, листьев, обитающих на них лесных жителях — а лес, то есть «большая история», оказался почти полностью в ведении социологов, экономистов, философов.

Как и практически любая работа, посвященная «большой истории», труд Лахмана основан, практически полностью, на историографическом материале, источники если и привлекаются, то в незначительной степени и как иллюстративный материал. Впрочем, вряд ли это может быть поставлено в упрек © В. А. Ковалев, 2017

автору и снизить качество исследования. Отбор исторических исследований проводится на той же концептуальной основе, что и интерпретация источникового материала, поэтому «вторичность» работы не должна вести к искажению результатов анализа в рамках одной концепции.

Безусловно, достоинством работы Лахмана стало внимание к «нетипичным объектам исследования». Речь идет, прежде всего, об итальянских городах-государствах, которые, если только речь не идет о специализированных исследованиях, не так часто включаются в контекст общеевропейского долговременного исторического процесса. Традиционно в исследованиях, посвященных «большой истории» Европы, особенно переходу от традиционного средневековья к раннему модерну и далее к капитализму, все внимание обращается к протонациональным государствам, прежде всего Англии и Франции и, в известной степени, к Нидерландам, прежде всего их экономической истории. Печальная судьба иных форм организации общества и публичной власти — от «воображаемого сверхобщества» *Pax Christiana* и Империи до нетерриториальных форм организации духовно-рыцарских орденов¹. Разумеется, существуют исключения, включая блистательные «Феоды и вассалы» и «Королевства и сообщества в Западной Европе» Сьюзен Рейнольдс, однако общая тенденция, все же, скорее исключает из поля исследования модели, не получившие развития.

Впрочем, Лахмана итальянские города-государства интересуют только с точки зрения перехода — точнее, несовершенство перехода — к капитализму, который Лахман, в отличие от Броделя, объясняет не через «предательство буржуазии», а через «рефеодализацию» и «реаристократизацию» городской республики, особенно Флоренции под властью Медичи. С подобным объяснением вполне можно согласиться — действительно, предпочтительность приобретения земли, должности или доли «государственного долга» *monte* в качестве инвестиции свободного капитала перед вложением в индустрию объяснялась внешними факторами, причем скорее политическими. Но вот Империя, продолжавшая вполне успешно

¹ Перри Андерсен в своей «Родословной абсолютистского государства» упоминает эту проблему, причем, после этого и сам принимает именно историческое развитие Англии и Франции за «идеальную модель».

существовать и в XVII в., или постепенно исчезающие с политической арены духовно-рыцарские ордена не интересуют Лахмана как формы организации публичной власти, поскольку не связаны с переходом к капитализму.

Проблемой становится то, что «большая история» почти неизбежно является историей политической, то есть историей власти. Современной историографией, философией, исторической антропологией накоплен огромный багаж знаний о власти — концептуальный, инструментальный, фактологический. Онтология власти Александра Кожева, психологические построения Мишеля Фуко и Эриха Фромма, социологические концепции Толкотта Парсонса, Эдварда Шиллса и Клиффорда Гирца и многие другие создают для исследователя подлинное концептуальное *embarras de richesses*². Впрочем, Лахман решает проблему инструментального изобилия достаточно просто. Он дает во введении отсылку к исследованиям нематериальных форм власти, правда, только фукодианской направленности. Но тут же оговаривается, что будет рассматривать действия человека как рациональный выбор (что уже само по себе сильно обедняет исследовательский аппарат, к тому же отдаляет от реалий мира средневекового человека).

Выступая с неомарксистских позиций, Лахман принимает концептуальный подход Пьера Бурдьё, в частности — концепт «символического капитала»³. Признав, вслед за Бурдьё, что множественные элиты накапливают и делают основой своего могущества разнообразный, вовсе не обязательно экономический, капитал, автор, впрочем, почти тут же вернулся к, по сути, классическому марксизму. И магнаты-феодалы, и церковь, в рамках подхода Лахмана, преследуют экономическую выгоду, выражающуюся в получении ренты с крестьян. Модель исследования несколько усложняется за счет того, что правящие элиты интерпретируются не как монолитный правящий класс,

² Послевоенная философия, социология, история посвятили огромное количество исследований проблеме власти в ее различных аспектах, перечисленное здесь — только малая часть.

³ Социальный капитал, согласно Пьеру Бурдьё, предстает в виде символического капитала и представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания.

а как ряд сообществ, конкурирующих между собой, причем призом в этой конкуренции является все та же собираемая с крестьян рента.

Собственно говоря, в экономическом редукционизме проявляется, пожалуй, основной минус исследования Лахмана, причем этот минус является не недостатком исследовательской работы, а органическим пороком методологии. В центре внимания марксистов, когда они говорят о власти, всегда находится не производство, а перераспределение. Деятельность элит интерпретируется как перераспределяющая произведенное производящими классами богатство, но сами элиты ничего не производят. С этим можно было бы согласиться, если бы речь шла об экономическом капитале, как в классическом марксизме. Однако если с классическим марксизмом можно соглашаться или не соглашаться концептуально, но в отношении экономического капитала его построения не являются логически противоречивыми, то в отношении работы Лахмана логическое противоречие все же наблюдается. Вслед за Бурдые, Лахман признает концепцию множественности видов капитала (военный, социальный, символический, идеологический и т. д.). Но в этом случае утверждение, что, например, феодалы, сделавшие ставку на «военный капитал», только присваивали его (у кого?), а сами не производили — по крайней мере, до конца классического средневековья, — представляется не только не обоснованным, но и очевидно ошибочным. Можно сказать, что феодалы присваивали экономический капитал и преобразовывали его в военный, «инвестируя» в строительство замков и изготовление разнообразных вооружений, награждение своих военных слуг и вассалов⁴. Но никак нельзя утверждать, что они присваивали военный капитал. Столь же абсурдным выглядело бы утверждение, что церковь только присваивала духовный и социальный капитал, сама его не производя. Можно сказать, что церковь присваивала экономический капитал и обменивала его на социальный (через благотворительность, например) и на духовный (через приобретение святых мощей и реликвий), но утверждать, что она его не производила — невозможно. Чтобы избежать подобных очевидно абсурдных утверждений, Лахман отходит от

⁴ Согласно П. Бурдые, экономический капитал является формой, с помощью которой группы и иные социальные агенты осуществляют конвертации одного вида капитала в другой.

концепции множественного капитала и возвращается к первичности капитала экономического, то есть, по сути, классическому марксизму, несколько усиленному теорией элит.

Из этого следует и второй минус. Если уж мы признаем множественность капиталов, то мы должны признать, что разные элиты черпают свою власть и положение из аккумуляции разных капиталов. Но тогда даже рациональный выбор подсказывает, что этим элитам следует концентрироваться на преумножении именно того капитала, который обеспечивает их положение. В принципе, именно это они и делали, стараясь преобразовать все виды капитала, которые тем или иным способом удавалось заполучить, в тот, который обеспечивал их положение. Так, например, королевская власть, заполучив духовный капитал, преобразовывала его в политический (идея особой связи короля и Бога, божественного права, священности короля) и военный (рыцарские ордена). У Лахмана же все виды элит, вне зависимости от своего социального положения и установок, основы своего положения в обществе, ищут только экономического капитала, как в классическом марксизме. При этом становится неясным фактор, обуславливающий разнообразие элит, и они, с концептуальной точки зрения, начинают тяготеть к слиянию в единый эксплуатирующий класс в духе классического марксизма.

Ряд фактических недочетов происходит из вторичности исследования, базирующегося практически полностью на историографии, как уже говорилось выше. Довольно спорно, например, чтобы в герцогстве Нормандском особенностью структуры элит было отсутствие фигуры короля или герцога. Да, фактически верховный господин там обычно не присутствовал, а княживших родов было мало, но присутствие верховного лорда создавалось ритуально (можно вспомнить возведение Иоанна (будущего Безземельного) в герцоги Нормандские или шествие Филиппа II Августа)⁵. Спорно и то, что «консолидации мелких магнатов мешало постоянное присутствие английских солдат». Это присутствие в Гаскони было не меньшим, что не мешало местной знати консолидироваться против любого, кто пытался навязать им свою волю.

⁵ Ритуальные формы взаимодействия отсутствующего государя и знати в Нормандии и Гаскони подробно разобраны еще Перси Шраммом в «Истории английских коронаций».

При этом в исследовании значительно количество и положительных элементов. О некоторых из них уже сказано выше. Также следует выделить концепцию горизонтального и вертикального абсолютизма, позволяющую включить регионализм государства раннего Нового времени в духе Роккана в концепцию придворного общества и бюрократической монархии. Представлен и сведен воедино богатый статистический материал по разным странам и регионам. В целом работа Лахмана «Капиталисты поневоле» представляется весьма интересным и масштабным исследованием, требующим, тем не менее, при прочтении учета концептуальных особенностей базовой теории исследователя.

Информация о статье

Ковалев, В. А. Политэкономисты поневоле: Ричард Лахман «Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени» и методология неомарксизма, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2017. Вып. 3 (1). С. 258–266.

Виктор Александрович Ковалев, к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (192238, Россия, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15)

onuphriyphd@gmail.com

УДК 94(5) “15/18”

В рецензии на работу Ричарда Лахмана «Капиталисты поневоле» не только представлен обзор этой монографии с выделением ее положительных и отрицательных сторон, но также и поднимаются актуальные проблемы современной историографии и исторической методологии, подвергается критике методология неомарксизма.

Ключевые слова: неоисторизм, марксизм, неомарксизм, Фуко, Бродель

Information on the article

Kovalev, V. A. Politekonomisty ponevole: Richard Lakhman «Kapitalisty ponevole. Konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovaniya v Evrope rannego Novogo vremeni» i metodologiya neomarksizma [Political economists in spite of themselves. Richard Lachman's «Capitalists in spite of Themselves. Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe» and neomarxist methodology],

in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2017. Vol. 3 (1). P. 258–266.

Victor Aleksandrovich Kovalev, Doctor of History, assistant professor, St. Petersburg State University of the Humanities and Social Sciences (192238, Rossiya, Sankt-Peterburg, ulitsa Fuchika, dom 15)

onuphriyphd@gmail.com

This review of Richard Lachman's «Capitalists in spite of themselves» shows pluses and minuses of the research. Also in the review actual historiography issues are discussed and neomarxist methodology came under criticism. The criticist argues that the key issue of the research is Marxist's thesis of the distributive role of the authorities and economical reductionism. Accepting Pierre Bourdieu conception of social and symbolic capital, Lachman returns to the classical Marxist conception of base (economy) and superstructure (power, policy culture and other). The role of the symbolic, social, military, spiritual capital became downgraded and diminished. Benefit of the research is attention to the historical process in Italian city-states which set aside of the researcher's attention very often. Also other form's of non-classical form of medieval power and society structuring, the Holy Empire, the spiritual knight's Orders, the city's unions, etc. are left by Lachman unattended, because of their disengagement in transition to capitalist economy. His interesting conception of «vertical» and «horizontal» absolutism wasn't developed because of the researcher's inattention to non-material and mythological forms of power. In spite of references to Paul-Michel Foucault and Pierre Bourdieu works, Lachman continues to envisage political power as a distributive structure. Being interesting and very informative, Lachman's research inherits Marxist's paradigm deficiencies.

Key words: Neo-history, Marxism, neo-Marxism, Foucault, Braudel

Список источников и литературы

Geertz, C. *Local Knowledge. Further Essay in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books, 1983. 244 p.

Geertz, C. *Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. Princeton: Princeton University Press, 1980. 295 p.

Reynolds, S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 560 p.

Reynolds, S. *Kingdoms and Communities in Western Europe 900–1300*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 466 p.

Schramm, P. E. *A History of the English Coronation*. Oxford: Clarendon Press, 1937. xv, 283 p.

Shils, E. *Charisma, Order and Status*, in: *American Sociological Review*. 1965. Vol. XXX, No 2. P. 199–213.

Андерсон, П. Родословная абсолютистского государства / Пер. И. Куриллы. М.: Территория будущего, 2010. 512 с.

Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3-х ч. / Пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры. Ч. I. Роль среды. 2002. 496 с.; Ч. II. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. 2003. 798 с.; Ч. III. События. Политика. Люди. 2003. 632 с.

Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии/СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Бурдьё, П. Формы капитала, В кн.: *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 471–518.

Кожев, А. Понятие власти / Пер. с фр. А. М. Руткевича. М.: Праксис, 2007. 181 с.

Лахман, Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего, 2010. 456 с.

Фромм, Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. А. Лактионова. М.: АСТ, 2009. 288 с.

Фромм, Э. Иметь или быть? / Пер. с англ. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2014. 382 с.

Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса; Под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. 384 с.

References

Anderson, P. Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva [Lineages of the Absolutist State]. Moskva: Territoriya budushchego, 2010. 512 p. (in Russian)

Brodell, F. Sredizemnoe more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II: V 3-kh chastyakh [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II in 3 vols] (Trans. M. A. Yusim). P. I. Rol' sredy. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 496 p.; P. II. Kollektivnye sud'by i universal'nye sdvigi. 798 p.; P. III. Sobytiya. Politika. Lyudi. 632 p. (in Russian)

Burd'e, P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Social Space and Symbolic Space] (Trans. N. A. Shmatko). Moskva: Institut eksperimental'noy sotsiologii/Sankt-Petersburg: Aleteyya, 2007. 288 p.

Burd'e, P. Formy kapitala [Forms of capital], in: Radaev, V. V., Dobryakova, M. S. (Ed.) *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики*. Moskva: ROSSPEN, 2004. P. 471–518.

Fuko, M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews] (Trans. S. Ch. Ofertas; Ed. V. P. Vizgin, B. M. Skuratov). Moskva: Praksis, 2002. 384 p.

Fromm, E. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom] (Trans. A. Laktionova). Moskva: AST, 2009. 288 p.

Fromm, E. Imet' ili byt'? [Fromm, E. To have or to be?] (Trans. E. Telyatnikova). Moskva: AST, 2014. 382 p.

Geertz, C. Local Knowledge. Further Essay in Interpretive Anthropology. New York: Basic Books, 1983. 244 p.

Geertz, C. Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali. Princeton: Princeton University Press, 1980. 295 p.

Kozhev, A. Ponyatie vlasti [The concept of power] (Trans. A. M. Rutkevich). Moskva: Praksis, 2007. 181 p.

Lakhman, R. Kapitalisty ponevole. Konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovaniya v Evrope rannego Novogo vremeni [Capitalists in spite of Themselves. Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe] (Trans. A. Lazarev). Moskva: Territoriya budushchego, 2010. 456 p.

Reynolds, S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford: Clarendon Press, 1994. 560 p.

Reynolds, S. Kingdoms and Communities in Western Europe 900–1300. Oxford: Clarendon Press, 1997. 466 p.

Schramm, P. E. A History of the English Coronation. Oxford: Clarendon Press, 1937. xv, 283 p.

Shils, E. Charisma, Order and Status, in: *American Sociological Review*, 1965. Vol. XXX, No 2. P. 199–213.